

В час успеха

Век. Ксю. - 1995. - 14 сент. - С. 7

От Джопплина до Листа и обратно без расслабухи и кощунства

В самом ли деле импровизации Ференца Листа в XIX веке были столь ошеломительными, как описывали их современники? Или во всем виноваты восторженные дамы, очарованные еще и эффектной внешностью артиста? 3 сентября в Малом зале консерватории состоялся концерт, который опроверг все сомнения по поводу безграничных возможностей пианиста за роялем.

Московская государственная филармония не ошиблась, поставив на открытие своего сезона именно выступление джазиста-импровизатора Даниила Крамера. Встряхнуть сложившуюся за лето публику, заставить ее помнить на программках, что концерт оказался небывалый, от руки вписать все "бисы", — такой концерт придумать сейчас очень нелегко.

Конечно, классическая нейгаузовская школа Крамера сразу слышна — в потрясающе бережном отношении к звуку (вспомним, что джазовых пианистов обычно упрекают в его поверхностности). В честной академической сосредоточенности, в отрешенности высокого рода без расслабухи, совершенно приличной джазовому музыканту, играющему в клубе, ресторане и прочих точках, предполагающих непринужденную обстановку.

О, в Малом зале консерватории обстановка поначалу была более чем принужденная — так уж исторически сложилось, что здесь ни один звук — божественный или фальшивый — не минует чутких ушей избалованной публики.

И вообще боязно было — что-то будет?

Краммер с самого начала обозначил нетрадиционное для это-

го зала музыкальное пространство пьесой "Хорошая работа, если ты можешь ее получить" Гершвина (название прозвучало до смешного актуально). И когда в идеально сыгранных пассажах (и по чистоте, и по звуку) сладко чудился то Лист, то даже фрагменты шопеновских баллад, пришлось сказать себе: "Стоп! Ты просто помешана на Нейгаузе, его учениках — "детях" и "внуках"... И сейчас тебе придумается какое-нибудь Интермеццо Брамса и ползет в голову Пастернак..."

Не тут-то было. Наваждение прошло, как только Крамер продолжил программу исполнением своих собственных сочинений: "Ассоциации", "Круги" и "Вдохновение". Сам автор относит их к так называемому "третьему направлению", то есть к пограничной области между джазом и классикой. И тут уж классика не привиделась, потому что бурная левая рука в "Ассоциациях" — это от ми-минорного Этюда-картины Рахманинова (который, кстати, в последние годы жизни был к джазу склонен!).

Поле импровизации на чисто джазовые темы ("Когда ты ушла" Лейтона, "Мои маленькие башмачки" Паркера, "Как кто-то в любви" Ван Хейзена, "Золотые руки Силвера" Лукьянова) грянул сюрприз — джазовая аллюзия на "Маленькую ночную серенаду" Моцарта. Наверное, тут и случился момент полного единения джазовых фэнов Крамера с публикой филармонической — если не косной, то во всяком случае воспринимавшей любое посягательство на классику как кощунство.

Когда-то на едва брезжущей заре перестройки Родион Щедрин вызвал шум на съезде ком-

позиторов своим рассуждением по поводу обработок известных классических произведений. Он сказал тогда: важно, чтобы эта музыка, эти темы выжили в какой бы то ни было форме. И пусть молодежь хотя бы определяет мелодии Баха, Моцарта, Бетховена на слух, чем не знает их совсем. Ох, и зубодробительная же пошла тогда дискуссия! Тем более что в эпоху тотальных запретов редкий музыкант мог себе позволить сыграть что? Ну Прелюдию Гершвина на бис...

Уникальное "двойное" мастерство и дарование Крамера дает ему право на любые обработки. А его изобретательность превращает импровизацию прямо-таки в детектив. Впрочем, разве джаз — не детектив в музыке? Только у одного музыканта это — дешевка в яркой обложке, у другого — солидный том Агаты Кристи. Особенно увлекательной оказалась эта езда в неизвестное в импровизациях на тему из "Белоснежки" и на "Дым" Керна, заигранных, вообще говоря, до дыр. У Крамера все было иное,

свое, основательное; он торил этим эстрадным эвергринам дорожку в классику XXI века (собственно, это и есть его кредо).

Ну а к тому времени, как на "бис" зазвучал "Сент-Луи блюз", публика уже подхлопывала синкопами, подщелкивала в такт пальцами, а после особенно изобретательных прохождений темы какие-то очаровательные нахалы в партере еще и свистели, как это и положено на джазовых концертах.

Концерт триумфально завершился аховой контаминацией "Кленового листа" Джопплина и Двенадцатой венгерской рапсодией Листа (отдадим должное филологическому остроумию музыканта). Так Даниил Крамер легонько подчеркнул, что великий венгр вовсе не был последней инстанцией в искусстве импровизации. А в ближайшее время маэстро намерен посягнуть на Грига и "Времена года" Чайковского. И опять: что-то будет?..

Наталья ЗИМЯНИНА.

Фото Владимира ЛУЧИНА.